

XIX – пачатку XX стагоддзя) / Н. М. Карбалевіч [Электронны рэсурс] / Н. М. Карбалевіч. Рэжым доступу: <https://rep.bntu.by/handle/data/97801>. – Дата доступу: 23.09.2022.

4. Иванова, О. А. Сельская молодёжь как территориально-демографическая группа населения: теоретические основы социологического исследования / О. А. Иванова // Изв. АГУ. – 2013. – № 2. – С. 230–233.

5. Камоцкий, М. В. Формирование культуры повседневности молодежи села средствами социально-культурной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / М. В. Камоцкий. – Минск, 2017. – 24 с.

6. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1973. – 283 с.

7. Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Социология: в 3 т. – М.: ИНФРА-М, 2000. – Т. 2: Социальная структура и стратификация. – 536 с.

8. Калач, О. А. Массовая культура как новая историческая парадигма культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / О. А. Калач; БГУ. – Минск, 1995. – 19 с.

9. Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр. исслед. белорус. культуры. языка и лит. – Минск : Беларус. навука, 2020. – 621 с.

10. Акинчиц, И. И. Анализ религиозности молодежи и некоторые аспекты ее атеистического воспитания: (по материалам конкретно-социологических исследований в западных районах Белорусской ССР): автореф. дис. ...канд. философ. наук: 09.625 / И. И. Акинчиц. – Минск, 1971. – 22 с.

А. С. Соколов

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТА В. КАЛИНОВСКОГО В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Культ В. Калиновского начал создаваться достаточно поздно, только со второй половины 1910-х гг. Упоминания о нём нет ни в газете «Наша ніва» (1906–1915 гг.), ни в «Кароткай гісторыі Беларусі» В. Ластовского (1910 г.), в которой автор называл восстание 1863–1864 гг. не иначе как «вторым польским», более того, писал, что «российское правительство рассчитывало в его подавлении опереться на белорусское население».

Впервые Калиновского, как белорусского героя, упомянул В. Ластовский в 1916 г. в газете «Гоман», издаваемой в условиях немецкой

оккупации, когда сложившаяся конъюнктура обуславливала необходимость поддержки немцами антироссийской пропаганды, в том числе финансирования националистических организаций, прессы и т. д. [1], занимавшихся конструированием идеологической модели полностью отдельного от русских белорусского этноса, имеющего извечного экзистенциального врага в виде России и русских.

Такое конструирование требовало решения ряда методологических проблем, одной из которых является поиск исторических персонажей, которых можно было бы объявить «национальными героями» и логически связать их деятельность с текущими политическими задачами, и которые имели бы соответствующие текущей политической конъюнктуре признаки (в первую очередь, ярко выраженный антирусский характер деятельности).

Исходя из этого на роль «главного белорусского героя» был назначен один из региональных руководителей восстания 1863–1864 гг. Винцент Константы Калиновский. При этом В. Ластовский сразу прибегнул к мифологизации Калиновского, ставящей целью его «обелорусить»: Во-первых, он придумал ему имя «Кастюк» (которое в 1921 г. трансформировал в «Кастуся» М. Горецкий), во-вторых стал фальсифицировать тексты Калиновского, добавляя в них этноним «белорусы», отсутствовавший у последнего, в-третьих, обильно снабдил статью полностью выдуманными примерами деятельности В. Калиновского, например о руководстве им переводами революционных песен на белорусский язык, о том, что он закладывал «начальные школки с обучением по-белорусски» и т. д. [2]. Необходимо отметить, что на тот момент миф о «Кастусе Калиновском» не получил большого распространения.

Расцвет популярности мифа пришёлся на 1920-е гг. уже в Советской Беларуси, также по вполне конъюнктурным причинам – советская власть, разрабатывающая собственную концепцию истории, согласно которой на протяжении многих веков у всех народов шла классовая борьба, апофеозом которой стала Октябрьская революция, воплотившая, таким образом, многовековую мечту угнетённых классов всего человечества, нуждалась в том, чтобы у каждого народа СССР был собственный герой, который вёл свой народ к борьбе за те цели, на достижение которых была направлена Октябрьская революция и ставший, таким образом, предтечей большевиков у данного народа. На роль такого персонажа для белорусов вполне подходил В. Калиновский, из образа которого убрали антирусскую направленность и акцентуализировали «белорусскость», классовые аспекты и борьбу против царизма [3].

В БССР началась обширная государственная идеологическая кампания по популяризации «Кастуся Калиновского», как белорусского революционера – непосредственного предшественника большевиков. Были написаны пьеса Е. А. Мировича «Кастусь Каліноўскі», рассказ А. Александровича «Палёт у мінулае (ад Каліноўскага да нашых дзён)», поэма А. Вольного «Кастусь Каліноўскі», фильм «Кастусь Каліноўскі», многочисленные стихи – А. Гурло («К. Каліноўскі»), А. Дударя («Кастусь Каліноўскі») Я. Подобеда («Ён спіць») и т. д.

Хоть многие историки отмечали несоответствие реального прототипа его мифологизированному персонажу, мифический образ «Кастуся Калиновского – белорусского борца за народное счастье» стал распространяться в общественном сознании. Главную роль в этом сыграла пьеса Е.А. Мировича, закрепившая мифологизированный белорусоморфный образ В. Калиновского (в том числе имя «Кастусь») в качестве официального канона, отступление от которого даже профессиональными историками вызывало негативную реакцию властей и партийных органов (например, критику со стороны ЦК КП(б)Б В. И. Пичеты за высказывание, что В. Калиновский был польским революционером, борющимся за интересы Польши).

Так художественный вымысел пьесы Е. А. Мировича стал рассматриваться как непреложные исторические факты, которыми в обязательном порядке должны руководствоваться историки и литераторы. Из этой пьесы стали также черпать «факты» многие писатель и поэты, создававшие впоследствии образ «Кастуся Калиновского» в своих произведениях. Во многих произведениях Калиновского, исходя из новых политических задач в свете польской оккупации Западной Беларуси, также наделяли ещё и статусом «борца с польскими панями».

Таким образом, основную роль в создании канонизированного облика мифа о «Кастусе Калиновском» принадлежала не науке, а искусству, которое не ограничено строгими рамками научной методологии и с помощью которого значительно легче применять средства эмоционального воздействия на аудиторию. Созданный канон стал частью официальной идеологии БССР, поэтому под его содержание вынуждены были подстраивать свои работы даже профессиональные историки, включая тех, которые ещё за несколько лет до этого не находили в восстании 1863-1864 гг. никаких белорусских черт.

Так, например, В. Игнатовский в 1921 г. в книге «Краткий очерк национально-культурного возрождения Беларуси», а также во 2 и 3 изданиях «Очерков истории Беларуси» вообще не упоминает В. Калиновского, называет восстание 1863 г. польским и пишет, что *«польские повстанцы обратили внимание на белорусский элемент края»*, так как

«в Беларуси польский элемент не был крепким», в связи с чем «повстанцам нужно было привлечь к своему делу белорусского мужика. В этом направлении и идёт пропаганда, рассылаются и прокламации. Чтобы создать большее влияние на крестьянина, прокламации печатаются на белорусском языке». Повстанцы издали ряд произведений на белорусском языке лишь с целью «присоединить к своему делу мужиков белорусов», видя, таким образом, в белорусах лишь объект для польской агитации. Основные идеологические наполнения данных произведений, пишет Игнатовский, заключается в том, что «все войны, которая вела Речь Посполитая с Москвою, объясняются как то, “что народу поляк хотел дать свободу”. Мужики, как станут поляками, “станут равными с панями”. Только поляки есть “действительные друзья белорусского мужика, только они дадут ему свободную и счастливую жизнь в Польше, независимой от России”». Далее Игнатовский указывает, что «мужики-белорусы не пошли за повстанцами», так как «поняли, что восстание было не социальным, не мужицким делом, а делом только политическим той самой Польши». Однако уже в 4 издании «Очерков...» в 1926 г., исходя из новой идеологической установки, он радикально поменял содержание данного раздела и стал утверждать, что крестьяне «принимали активное участие в восстании», что на территории Беларуси оно носит характер движения за независимость, называть В. Калиновского стоящим во главе восстания в Беларуси «красным диктатором», ставящим целью «создание независимой от России и Польши Белорусской республики», писать, что «белая часть повстанцев открыто перешла на сторону вешателя Муравьёва» (!). Аналогичная трансформация содержания произошла в «История белорусской литературы» М. Горещкого.

После объявления независимости Беларуси в условиях, когда большинство её граждан не поддерживало идею отделения от СССР, актуальной задачей стала идеологическая легитимизация независимости. Это требовало конструирования новой модели истории, которая бы провозглашала «древние корни» белорусской государственности, наличие исторической субъектности Беларуси, наличие «борьбы за независимость» на протяжении всей истории.

Исходя из этого, созданный миф подвергся очередной реконструкции, и в его постсоветском варианте «Кастусь Калиновский» предстаёт в образе «эталонного белоруса», «героического борца за независимость Беларуси». Личности и деятельности Калиновского придают идеологические характеристики, которые являются актуальными для современного национализма [4].

Создание и укрепление идеализированного образа «Кастуся Калиновского» как «главного белорусского героя» в постсоветской Беларуси носило заметно выраженные черты культа личности, к главным из которых относятся [5] слепое преклонение, чрезмерное преувеличение действительных заслуг, фетишизация, приписывание высочайшей государственной мудрости, многочисленных талантов и высоких гуманистических человеческих качеств. Сконструированный постсоветский вариант образа «Кастуся Калиновского» вполне соответствовал этим параметрам – в это образе он предстаёт как белорусский национальный лидер, моральный эталон, человек, не имеющих отрицательных черт характера и деятельности, в его отношении с 1990-х гг. применялись такие эпитеты, как «мыслитель», «борец за независимость Беларуси», «пламенный публицист и поэт», «пламенный революционер», «пламенный борец», «выдающийся лидер белорусского национально-освободительного движения XIX в.», «благородная натура», «символ мужества и патриотизма белорусов», «сторонник эмансипации женщин», «исследователь истории Беларуси», «политический гений», «рыцарь свободы», «апостол свободы и независимости» и вообще *«харизматичный лидер с яркой индивидуальностью, неповторимыми чертами, разносторонними талантами, высокими человеческими качествами»* [6] и даже «отец-основатель белорусской нации».

Основания для присвоения В. Калиновскому подобных и многих других глорифицированных характеристик порой были довольно комичны. Так, одного-единственного его стихотворения стало достаточным для утверждения в «Энциклопедии истории Беларуси», что *«Калиновский известен как поэт»*, его участие в руководстве восстанием интерпретируется как то, что *«Калиновским были созданы вооружённые силы Белорусско-литовского государства»* [6]. Яркими примерами гротескной идеализации В. Калиновского являются такие утверждения, как «Калиновский оказал больше влияние на всю последующую белорусскую литературу и культуру, содействовал углублению в литературе и культуре принципов реализма и народничества», имел «твёрдые убеждения о необходимости и целесообразности предоставления Литве и Беларуси статуса самостоятельных государств», «ясно и выразительно, первым сформулировал политическую цель национально-освободительной борьбы белорусского народа, над чем мучительно билась вся прогрессивная общественная мысль первой половины XIX века», «говорил о том, что в будущем школа должна формировать у детей высокие общественные качества, готовить их всесторонне развитыми, хорошо образованными, способными к борьбе за

высокие гуманистические идеалы», «сформулировал программу построения суверенной демократической Беларуси на основе конституционного и парламентского опыта западноевропейских стран», «дал глубокую, политически заостренную критику педагогики, которая существовала в современном ему обществе», «первый в новое время взглянул на белорусов как на субъект самостоятельного исторического действия», «внес значительный, самобытный вклад в разработку белорусского литературного языка нового времени» и многие другие.

Таким образом, миф о «Кастусе Калиновском» за время своего существования претерпел ряд изменений, призванных отразить в его содержании политико-идеологические запросы каждого конкретного исторического периода.

Список использованных источников и литературы

1. Западные окраины Российской империи / под ред. М. Д. Долбилова. – М. : НЛО, 2006. – 608 с.
2. Гронский, А. Д. Кастусь Калиновский: конструирование героя / А. Д. Гронский // Беларуская думка. – № 2. – 2008. – С. 82–87.
3. Гронский, А. Д. Формирование белорусского политического мифа о Константине (Кастусе) Калиновском / А. Д. Гронский // Язык и идентичность. Язык, литература и славянские идентичности в XVIII–XXI веках. – Белград, 2020. – С. 50–78.
4. Гронский, А. Д. Жертвы, герои и враги в мифологии белорусского национализма / А. Д. Гронский // Университетский вестник. – 2016. – Спец. выпуск. – С. 112–139.
5. Орлов, А. С. Исторический словарь / А. С. Орлов, Н. Г. Георгиева, В. А. Георгиев. – 2-е изд. – Москва: Проспект, 2012. – 592 с.
6. Шалькевич, В. Ф. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. – Минск, 1993. – 66 с.

М. И. Старовойтов

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ